

Baranov, Viktor Arkad'jevič

Неорганическая гласность и ударение

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1997, vol. 46, iss. A45, pp. [137]-147

ISBN 80-210-1606-X

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100169>

Access Date: 22. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

В. А. БАРАНОВ

НЕОРГАНИЧЕСКАЯ ГЛАСНОСТЬ И УДАРЕНИЕ

В русском языке существуют такие незначительные, казалось бы, несистемные факты, которые, например, в силу своей низкой частотности или игнорируются вообще, или рассматриваются как часть другого, более общего языкового явления, оказываясь тем самым как бы на периферии явления и, соответственно, на периферии языковой системы. Но опыт показывает, что именно внимательное отношение к таким, на первый взгляд, внесистемным особенностям позволяет увидеть суть многих важных процессов. Одновременно языковая система предстает перед нами менее структурированной и неподвижной.

Такая участь в истории науки постигла явление неорганической гласности (*ветер* < *ветръ*, *огонь* < *огнь*, *земель* < *земль* и др.). Незаконмерность гласных второго слога с точки зрения этимологии известна любому, кто хоть немного знаком с историей языка. Практически в любом учебном пособии по исторической грамматике и даже по современному русскому языку есть замечания о «лишних», «прослоечных», «облегчающих произношение», «разряжающих стечение согласных» гласных звуках. Но можно ли так просто, как мы иногда делаем, говорить о неизученном или малоизученном процессе или явлении? Что перед нами в данном случае? Формы, оставшиеся от некогда сработавшей аналогии? Морфологизованные и лексикализованные реликты живого фонетического процесса? Существовали ли особые артикуляционно-акустические условия для фонематизации этих гласных? Можно ли проследить какие-либо связи между этими гласными и другими языковыми явлениями (фонетическими, морфологическими, акцентологическими)? В конце концов, насколько широко это явление представлено в русском языке в настоящее время и насколько оно системно? Вот только некоторые вопросы, которые встают перед исследователем.¹

Заслуга открытия неорганической гласности как явления несомненно принадлежит В. М. Маркову, который показал роль неорганических гласных древнерусского периода в процессе падения редуцированных

(ср. Марков, 1964; Марков, 1967; Марков, 1983). За прошедшие тридцать лет эти незакономерные в структуре слова элементы не раз были предметом исследования ученых.

К настоящему времени сложилось два не связанных между собою, но, как нам кажется, не противоречащих друг другу представления об этом явлении. Первое основывается на экспериментальных данных изучения современного русского языка (в частности, русских говоров); второе — на изучении неэтимологических гласных в истории.

Фонетические наблюдения (Е. Ф. Будде, Н. Н. Дурново, Б. М. Ляпунов, Р. Ф. Брандт, В. А. Богородицкий), а также экспериментальные исследования (Л. В. Златоустова, Р. Ф. Пауфошима, И. С. Никольская, О. П. Агапкина) показали, что в русском языке в стечении согласных существуют артикуляционно-акустические гласные элементы, которые в ряде случаев (в зависимости от качества согласных в сочетании, от положения в форме относительно ударного слога и некоторых других условий) регулярно слышны. Проясненность таких гласных зависит, помимо указанных условий, от активности воздействия морфонологических факторов и от ритмико-динамической модели говора (см. работы Е. Г. Буровой, Р. Ф. Пауфошима, О. И. Блиновой, О. Д. Кузнецовой, В. А. Баранова).

Другое направление представлено в исследованиях историков русского языка (см. работы В. М. Маркова, В. В. Колесова, М. Б. Попова, Л. П. Жуковской). По-разному оценивая роль неэтимологических гласных в процессе падения редуцированных, их фонетический статус и их судьбу в более поздний период, все исследователи единодушны в том, что подобные гласные существовали в древнерусский период и достаточно хорошо осознавались писцами.

В то же время до сих пор в науке не существует единого мнения по поводу преемственности между древнейшими неорганическими гласными и многочисленными нефонематизированными неорганическими гласными вставками современного русского языка (факт прямой связи между древнерусским *огънь* и современным *огонь* как будто ни у кого не вызывает сомнения).

Предлагаемая статья представляет собой попытку показать динамичность и неоднозначность связи между закреплением, фонематизацией неорганических гласных в конечных стечениях согласных в формах им. падежа имен существительных и акцентными характеристиками этих слов. Задача автора — проанализировать относящиеся к разным языковым уровням и подсистемам факты, взглянуть на функционально разные незакономерные гласные как на примеры одного явления — неорганической гласности. Желание автора — протянуть одну из нитей, связующих прошлое и настоящее этих звуков.

По традиции считается, что решающую роль для закрепления такого гласного сыграло ударение: ср. *огонь* при *огня*, *огню* и т. д., *земель* при *земля*, *земли* и т. д.

В литературном языке неорганический гласный в конечном стечении согласных имеют следующие слова: *бобёр, вётёр, свёкор, стéбель, úзел, ого́нь, уго́ль, про́мысел, за́мысел* и др. на *-мысел, бпухоль, плéсень*, термины *ча́бер (чабёр), копёр, та́вель*. Из них лишь четыре имеют ударную ГВ. В говорах примеров форм с ударной ГВ можно найти больше: *ветёр* вят., *конопёл* морд., *кедёр* ср.-урал., свердл., *осетёр* влад., урал., новосиб. и др., *одёр* волог., яросл., кал., краснояр. и др., *одёрь* яросл., *вепёрь* смол., *кремёл* волог., амур., нижегор., *рубёл* оскол., том., *головёл* пск., орл., кур., калуж. и др., *журавёл* яросл., влад., нижегор. и др., *корабёл* ворон., *осетёр* урал., *себёр* орл., *сябёр* ряз., *шабёр* влад., *цапёл* твер., пск. и др.²

В литературном языке часть приведенных слов в настоящее время относится к акцентной парадигме А (ударение падает на основу во всех формах парадигмы): *вётра, кедра, вепря*, часть — к акцентной парадигме В (ударение на конечном слоге форм, кроме им. мн.): *осетра́, одра́, бобра́, кремля́, рубля́, голова́, журавля́, корабля́, огня́, копра́, узла́*. Вариантные акцентные формы имеют слова *стебель* и *уголь*: *стебле́й* и *стебле́й, стебля́м и стебля́м* (Орфоэп. слов.; Грам. слов.), *угля́* и *у́гля, углём* и *у́глем, угле́й* и *у́глей* (Орфоэп. слов.; Грам. слов.).

Примеры показывают, что между типом акцентуации слова и ударностью/безударностью ГВ в им. существует явная параллельность: при ударе на флексии в косвенных падежах ГВ также ударна: *огня́* — *ого́нь, копра́* — *копёр, бобра́* — *бобёр, чабра́* — *чабёр*, а при последовательном ударе на основе ГВ в им. также безударна: *вётер* — *вётра, свёкор* — *свёкра, вьмысел* — *вьмысла* и под.

Примеры можно увеличить за счет диалектных форм: *осетёр* — *осетра́, одёр* — *одра́, кремёл, рубёл, головёл, журавёл, корабёл*. Можно предполагать, что и примеры *ветёр, кедёр, вепёрь* — в силу существующей параллельности в акценте всех форм в парадигме — могут входить в акцентную парадигму (АП), отличающуюся от литературной. Действительно, например, в псковском говоре находим *вапря́*, в просторечии — мн. *ветра́, ветра́ми* и т. д.

Выравнивание акцента по всем формам парадигмы (или подпарадигмы ед. или мн.) — хорошо известное исследователям явление (ср. Зализняк, 1985; Марков, 1974; Хазагеров, 1973). Наш материал показывает, что для реализации этой тенденции в необходимых случаях используется и новый фонетический элемент формы. Возникает закономерный вопрос: является тенденция к формированию колонного ударения в слове той причиной, по которой в форме им. ед. появляется специальный гласный, или нет?

В истории русской акцентуации установление определенных зависимостей между им.-вин. и косвенными падежами явилось одной из основных тенденций, определяющих сегодняшнее состояние в парадигмах (ср. Хазагеров, 1973, 48). Расхождение или схождение акцента им.-вин. и прочих падежей явилось результатом длительного колебания,

вариативности ударения в парадигме и в каждой отдельной словоформе конкретного слова (ср. Хазагеров, 1973, 48–113; Колесов, 1972; Зализняк, 1985; Воронцова, 1979). Исходной точкой в этом процессе можно считать тип АП, которым характеризовалось слово до активного расшатывания начальной системы, которую восстанавливают для общевосточнославянского периода (ср. Колесов, 1972, 3; Зализняк, 1985, 3).

Большинство интересующих нас слов относилось изначально к акцентной парадигме типа В, т. е. ударным был конечный гласный форм во всех формах: *одръ, бобръ, кремль, рубль, вепрь, корабль, огонь, осетръ* (ср. Колесов, 1972, 112, 179, 169; Зализняк, 1985, 134, 135), возможно, *угль* (ср. Зализняк, 1985, 132 — АП А; Колесов, 1972, 176 — АП В).

В период перестройки начальных типов АП формы этих слов принимают наосновное ударение³: *с о́дромъ* XVI в., *ру́блехъ* XVII в. (ср. Колесов, 1972, 114, 123, 125), *по ру́блю* XVI в., *в корáбли* кон. XVI в. (ср. Зализняк, 1985, 143), *о́гня* кон. XVI в., *о́гню, о́гневи* XVI, XVII вв. и др., *на осётре* XVII в., *о осётре* XVII в. (ср. Колесов, 1972, 175; Зализняк, 1985, 243). Ср. примеры с аналогичным ударением в современных говорах: *осётер* том., *осётер* дон., урал., *о́дер* иркут., твер., олон., волог., *о́дерь* олон., *вёперь* перм., урал., брян., *крёмель* том., новосиб., ср.-урал., якут., *рубель* том., яросл., [ру́бъл'] кал., *корáбель* иркут., якут., *крёмель* том., новосиб., ср.-урал., якут.

Укажем на немаловажное обстоятельство. В народно-разговорном языке акцент перетягивается на основу и при наличии фонематизированной ГВ в составе формы им. (фонематизация осуществляется, в частности, за счет появления мягкости у предшествующего согласного). Иными словами, исконная АП как бы «игнорирует» возможность сохранить колонное окончательное ударение, и слово приобретает иной тип АП — наосновный, также выровненный по парадигме: *о́дер — о́дра — о́дру, осётер — осётра — осётру*. А ГВ как полноправный элемент фонематической структуры слова существует и в безударном положении.

Наличие вариативности типа *корáбель — [кара́бъл']*, *ру́бель — [ру́бъл']* дает языку возможность создать противопоставление книжных и разговорных форм по нескольким показателям: по акценту — *ру́бль, рубля́, рублю́* и *ру́бль, рубля́, рублю́*, по односложности/двусложности им. ед. — *ру́бль, рубля́, рублю́* и *ру́бель, рубля́, рублю́* (или *ру́бель, рубля́, рублю́*). Интересно, что в некоторых книжных словах это привело к полной утрате исконного окончательного ударения и к формированию последовательного наосновного, например, у слов *воплъ* и *жесл*.⁴

Относительно связи между появлением нового ударения в бывших парадигмах типа В, редкой употребительностью слова в книжной речи и отсутствием фонематизированной ГВ, с одной стороны, и сохранением окончательного ударения, активной употребительностью и ударной

ГВ — с другой, можно сравнить лит. *veprь* «дикая свинья, кабан» (причиной перехода в АП А А. А. Зализняк считает именно малую употребительность (ср. Зализняк, 1985, 376)) и диал. *vepírь* смол., *vapрjя* пск. «самец свиньи, боров».

Иными словами, формирование парадигм с расхождением по акценту им.-вин. и остальных косвенных падежей для слов типа *рубль*, *корабль* или с последовательным изменением акцента с типа В на тип А (*вопль*, *жезл*) происходит на фоне существующих вариантных парадигм, в которых в качестве форм им.-вин. функционировала форма с фонематизированной ГВ. Именно это обстоятельство дает возможность создать стилистическую наполненность, особую книжность форм без ГВ, стилистически их маркировать (ср., например, материалы по *огнь* и *огонь*, *промысл* и *промысел* в языке XIX века (ср. Абдулхакова, 1981, 56, 59, 61, 63, 67, 69, 79, 80 и др.)), семантически размежевать с формами с ГВ, ср. *бобр* «животное» — *бобёр* «шкурка бобра», ср. также в языке XVIII в. *промысл* «провидение» — *промысел* «ремесло, охота» (ср. Абдулхакова, 1981, 75–78).

Не менее интересными с точки зрения соотношения ударения и существования ГВ нам представляются слова, которые исторически относились к АП А (имели неподвижное наосновное ударение): *ветр*, *кедр*, *узел* (ср. Колесов, 1972, 105; Зализняк, 1985, 131), возможно, *угль* (ср. Зализняк, 1985, 135 — АП А, В. В. Колесов склонен считать это слово принадлежащим АП В (ср. Колесов, 1972, 176, 177)).

В настоящее время в литературном языке *кедр* и *ветер* сохраняют наосновное ударение во всех формах парадигмы (ср. Грам. слов.), хотя возможно и *ветро́в* (ср. Орфоэп. слов.), *на ветру́*; последовательно перенесено ударение на окончание в слове *узел*, кроме им. ед.; наложение нескольких типов ударения наблюдается у *уголь* (ср. Грам. слов. — АП А, В, С): *угля́* и *у́гля*, *угле́й* и *у́глей* (ср. Орфоэп. слов.).

Точно так же, как и у других слов, у слов *ветр* и *кедр* в средне-русский период развивается новая подвижность (ср. Зализняк, 1985, 131, 275, 376; Колесов, 1972, 110). Но в литературном ни подвижность, ни новая окситонеза не закрепляются. Иной результат активных колебаний имеем в *у́голь* и *у́зел* (ср. Хазагеров, 1973, 76, 87). Причем уже в языке Москвы XVII века в этих словах наблюдается последовательная окситонеза, кроме им. ед. (ср. Хазагеров, 1973, 151).

Анализируя имеющиеся примеры, можно заметить, что перенос ударения на ГВ возможен именно в тех словах, в которых перенос ударения на конец слова не закрепился (*вѣтер* — *вѣтра*, но *ветёр* вят., *ке́дер* — *ке́дра*, но *кедёр* свердл.), а в тех, которые имеют окситонезу косвенных падежей, нет зафиксированных примеров с ударной ГВ в им. ед. (*у́зел*, *у́голь*). Примечательно, что тенденция к закреплению наконечного колонного ударения во всех падежах, включая им. ед., которая активна в словах бывшей АП В (ср. *бобр*, *кремль*, *рубль*, *журавль* и др.), имея все возможности реализоваться в формах *узел*, *уголь*,

исключает их из сферы своего воздействия и «относится» к ним как к односложным словам.⁵ Принято говорить, что в данном случае реализуется одна из тенденций в формировании современного ударения — противопоставленность формы им. ед. всем остальным формам парадигмы (ср. Хазагеров, 1973, 42–46, Зализняк, 1985, 373; Воронцова, 1979, 84–86). Относительно рассматриваемых слов заметим, что они являются достаточно исключительными в смысле строения: в них акцентивируется дополнительный гласный, что потенциально позволяет им с равным успехом включаться в разные модели АП при наличии колебания в ударении в истории этих слов, например, по типу *котёл* — *котля́*, *бугор* — *бугра́*.

Естественно, что в ряде случаев значительную роль для установления ударения в литературном языке сыграло долгое употребление книжного варианта. Так, например, вариант *ветр* долгое время был единственным, а *ветер* появляется в письменных памятниках лишь с XVI–XVII вв. (ср. Абдулхакова, 1981, 55). Это и позволило закрепить ударению. При сосуществовании в книжном языке двух вариантов они обязательно семантико-стилистически разводятся. Подобные факты отмечаются, например, для вариантов *огонь* и *огнь* XIV–XVIII вв. (ср. Абдулхакова, 1981, 63–69), *уголь* и *угль* XVII–XVIII вв. (ср. Абдулхакова, 1981, 72–74), *промысел* и *промысл* XVII–XIX вв. (ср. Абдулхакова, 1981, 80–85). Это и дает возможность при выборе АП ориентироваться на более книжный вариант.⁶

В таком случае как будто нет причин для переноса ударения на ГВ в *вѣтер*, *кѣдер*, даже при существовании колебания в косвенных падежах. Более того, формы *ветѣр* вят. и *кедѣр* свердл. оказываются явно исключительными в своих акцентных парадигмах, так как ударение на окончании в косвенных падежах неустойчиво. А если учесть, что одной из существеннейших тенденций в развитии акцентных парадигм является формирование противопоставления по ударению между формами ед. и мн., то формы мн. с окончательным ударением нам следует рассматривать как фактор, скорее препятствующий появлению *ветѣр*, чем способствующий (см. примеры у В. В. Колесова (1972, 110) с колебанием ударения лишь в подпарадигме мн. ч., а также замечание В. Л. Воронцовой (1979, 87, 88) о колебании ударения в этом слове только в формах мн. ч.).

И все-таки такие формы существуют.

Пытаясь обобщить наблюдения, сделанные выше, выскажем следующую мысль, по нашему мнению, объясняющую многое в проблеме соотношения между ГВ в анализируемых формах и ударением. Неорганические гласные, которые до поры до времени существуют в структуре слова как в различной степени проясненные элементы, при определенных условиях для окончательного подтверждения своего статуса полноценного элемента в структуре слова и формы могут получить поддержку со стороны ударения. Гласный элемент как бы

специально перетягивает на себя акцент, чтобы заявить о своем существовании. Ср., например, разницу в рельефности, морфологизованности чередования в случаях [бóбрь] — [бабрá] и [бабóр] — [бабрá] пск., [óгън'] — [агн'á] и [агóн'] — [агн'á].

Не имея возможности в связи с ограниченным объемом статьи остановиться подробно на иных условиях качественной определенности неорганических гласных в составе слов, отметим только, что и экспериментальные данные, и многочисленные записи русской речи, и словарные материалы показывают, что степень проясненности, слышимости, осознаваемости неорганического гласного зависит от многих условий (от языковой системы, в которой слово функционирует, от семантических, стилистических, морфологических, аналогических и другого рода факторов), в частности, от качества согласных, между которыми он существует, и от положения сочетания в слове относительно ударения. Наиболее благоприятным в этом смысле для ГВ является заударное положение между шумным и сонорым согласными. Примеры многочисленны: *вётор* арх., *бинóкаль* пск., *блáзен* смол. перм., [бóбар] пск., *болéзень* пск., [бол'эз'ьн'] картотека КДАРЯ, *бы́стерь* арх., кал., новг., волог., колым., *декабырь*, *жы́зень* петерб., *ка́зень* олон., арх., *кали́бер* твер., [кара́быль], [л'йтър], [л'йт'ер] КДАРЯ, [м'эт'ер] тобол., КДАРЯ, *мини́стор* якут., *министер* кал., ворон., *мы́сль* олон., *мы́сел* волог., арх., пск., твер., [смýсьл], [смóтьр] КДАРЯ, *сы́бор* «хозяин, тягольный» кур., *ке́йтер* том., ворон., *тяголь* ворон., *узол* яросл., *фи́льтр* ворон., *це́нтер* твер. и мн. др.

Мы специально привели примеры из различных источников и в записи разной степени точности, чтобы показать существенные отличия в осознаваемости этих звуков.

Укажем также на слова с конечным сочетанием заднеязычного с сонорным, которые ведут себя достаточно активно при закреплении в них ГВ: *свёкор*, *уголь*, *угорь*, *огонь*.

С точки зрения оценки достоверности высказанного предположения интересно сравнить его с фактами иного рода — с переносом ударения на новые для грамматической формы окончания. Речь идет о распространении новых окончаний *-ам*, *-ами*, *-ах* у существительных муж. и ср. рода мн. ч., окончания *-а* у сущ. муж. и жен. рода им. пад. мн. числа (ср. Марков, 1974, 124–134; Колесов, 1972, 110, 125, 126, 187; Зализняк, 1985, 264, 285, 286), окончания *-у* в мест. ед. сущ. муж. р. бывших основ на *о* (ср. Марков, 1974, 57–60; Марков, 1982, 42–43; Колесов, 1972, 140), окончания *-а* в род. ед. сущ. муж. р. бывших основ на *й* (ср. Колесов, 1972, 187) и перетяжке на них ударения.

Естественно, что появление нового окончания и передвижка ударения в форме связаны в первую очередь со сложными процессами схождения имен различных формоизменяемых классов, т. е. с процессами аналогии. В то же время эти процессы во многом независимы: формирование противопоставленности форм ед. и мн. чисел приво-

дило, во-первых, к появлению нового ударения и в формах со старым, этимологическим окончанием (ср. Зализняк, 1985, 286, 287), во-вторых, к отсутствию ударения в формах с новым (ср. *окнами, окнах, ветрах, вёпря* и т. д.). Именно факт определенной независимости друг от друга нового аффикса и ударения и объединяет этот грамматический материал с нашим фонетическим.

Аналогичную гипотезу относительно новых ударенных окончаний существительных выдвинул В. М. Марков (1982, 42, 43): «Ударенность окончания в род. падеже представляет большой интерес с точки зрения гипотезы, допускающей существование следующей закономерности: флексия, активизированная в результате аналогического взаимодействия форм, усваивается на первых порах как ударенная морфема... Об этой закономерности приходится говорить, останавливаясь на истории окончаний *-ам, -ами, -ах*, она может объяснить и конечное ударение в формах предл. падежа, поскольку имеют место отношения *в лесе — в лесу* и т. д. Проявление этой закономерности, естественно, исключительно сложно и противоречиво, поскольку дело касается и ранних выравнивающих тенденций, и зависимости от словообразовательных соотношений и структур, и семантического фактора, и развивающегося противопоставления числовых парадигм и т. д. И все-таки признание указанной закономерности (соображения, устанавливающие сам факт реального существования, еще предстоит обсудить), как кажется, объяснило бы многое в истории акцентных отношений современного языка».

Наличие аналогичных тенденций в двух не связанных между собой участках языковой системы не является ли лишним доказательством для признания высказанных мыслей убедительными и для признания описанных закономерностей реально существующими?

СНОСКИ:

1. Понятно, что термин «неорганический гласный» применим к подобного рода звукам лишь с точки зрения их истории. В современном русском литературном языке они представляют собой полноправный элемент фонетической и фонематической структуры той или иной формы слова и, естественно, ничем в этом смысле не отличаются от других беглых гласных (правописание, чередование с нулем и т. п.). Другого рода неорганические гласные представлены нефонематизированными гласными различной степени артикуляционной и акустической наполненности. В работе, помимо термина «неорганический гласный», по отношению и к тем, и к другим как синоним употребляется термин гласная вставка (ГВ). Оба термина указывают на незакономерность гласного в структуре формы.
2. Примеры взяты из диалектных словарей русского языка, а также некоторых работ, посвященных русским говорам; основные источники приведены в списке источников.
3. Оставляем в стороне вопросы, связанные с исконностью/неисконностью наосновного ударения в некоторых падежах (ср. Колесов, 1972, 126).

4. Об активности появления АП типа А в словах с отвлеченной, абстрактной семантикой (ср. Хазагеров, 1973, 74; Воронцова, 1979, 111).
5. В этом отношении ср., например, лит. *у́гол* — *угла́*, *у́горь* — *угря́*, в которых в настоящее время существует ударение, соответствующее ударению слов с односложной основой. Даже исконный редуцированный — *угэль* (ср. Зализняк, 1985, 137), *угерь* (ср. Фасмер, 1986, IV, 146; Зализняк, 1985, 187) — «игнорируется» акцентной системой при перетяжке ударения на начальный гласный. Приводимая В. В. Колесовым (1972, 224) форма свр. *угбл* возводится им к *угэль*, а ударение закономерно выровнено в парадигме (по его мнению, *угбл* — вторично из *у́гол*).
6. Факт ориентации книжного языка на односложность начальной формы хорошо иллюстрируется, например, словами *вихрь* и *пепл* (XIX в.), в которых были утрачены существовавшие этимологические гласные (*вихорь*, *пепел*). При различном толковании первоначального состава первого слова (ср. Фасмер, 1986, IV, 324; Колесов, 1980; Марков, 1964) нам важно, что в определенный период в литературном языке выбор осуществился в пользу варианта без гласного.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

- амур. - амурский
- АП - акцентная парадигма
- арх. - архангельский
- брян. - брянский
- влад. - владимирский
- волог. - вологодский
- ворон. - воронежский
- вят. - вятский
- ГВ - гласная вставка
- диал. - диалектный
- дон. - донской
- иркут. - иркутский
- кал. - калининский
- калуж. - калужский
- КДАРЯ - картотека Диалектологического атласа русского языка
- колым. - колымский
- краснояр. - красноярский
- кур. - курский
- морд. - мордовский
- нижегор. - нижегородский
- новг. - новгородский
- новосиб. - новосибирский
- олон. - олонекский
- орл. - орловский
- оскол. - оскольский
- перм. - пермский
- петерб. - петербургский
- пск. - псковский
- ряз. - рязанский
- свердл. - свердловский
- смол. - смоленский
- ср.-урал. - среднеуральский
- твер. - тверской
- тобол. - тобольский
- том. - томский
- урал. - уральский

якут. - якутский
яросл. - ярославский

ИСТОЧНИКИ:

- Даль, В. И.: Толковый словарь живого великорусского языка (I-IV). Москва, 1935.
Картотека Диалектологического атласа русского языка.
Мельниченко, Г. Г.: Краткий ярославский областной словарь (I-II). Ярославль, 1961.
Псковский областной словарь с историческими данными (I-VII). Ленинград, 1967-1986.
Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
Словарь русских говоров Среднего Урала (I-II). Свердловск, 1964, 1971.
Словарь русских народных говоров (I-XXIII). Под ред. Ф. П. Филина. Ленинград, 1965-1987.
Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение) (I-II). Томск, 1975.

ЛИТЕРАТУРА:

- Абдулхакова, Л. Р.: К истории беглости гласных в русском языке. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Казань, 1981 (Рукопись).
Воронцова, В. Л.: Русское литературное ударение XVIII-XX вв. Формы словоизменения. Москва, 1979.
Зализняк, А. А.: Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Москва, 1980.
Зализняк, А. А.: От праславянской акцентуации к русской. Москва, 1985.
Колесов, В. В.: История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Ленинград, 1972.
Колесов, В. В.: Историческая фонетика русского языка. Москва, 1980.
Марков, В. М.: К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.
Марков, В. М.: Замечания о неорганических гласных в македонском и русском языках. Македонски јазык 18 (1967), с. 39-45.
Марков, В. М.: Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. Москва, 1974.
Марков, В. М.: К истории неорганической гласности в русском языке. ВЯ, 1983, 4, с. 109-120.
Марков, В. М.: Заметки по истории русского языка. В: Проблемы исторического языкознания. Ленинград, 1982, с. 39-48.
Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Москва, 1983.
Хазагеров, Т. Г.: Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. Москва, 1973.
Фасмер, М.: Этимологический словарь русского языка (I-IV). Москва, 1986-1987.

NEETYMOLOGICKÉ VOKÁLY A AKCENTUACE

Autor článku rozebírá některá slova s neetymologickými pohyblivými vokály typu *огонь*, *ветер*, *бобёр* a snaží se najít souvislosti mezi fonologizací těchto vokálů a paradigmatickou akcentuací sledovaných výrazů v ruštině. Zvláštní pozornost je přitom věnována úloze, kterou

hrál přízvuk při ustálení sekundárních pohyblivých vokálů v hláskových spojeních zkoumaných slov. Na příkladech ze současné a historické ruštiny a ruských dialektů, které patří k různým akcentuačním typům, je studován vztah mezi podobami s neetymologickým pohyblivým vokálem a variantami bez něho. Autor dochází k závěru o relativní nezávislosti mezi fonologizací nepůvodních pohyblivých vokálů a přechodem přízvuku na tyto hlásky; přízvuk zde hraje pouze podpůrnou úlohu.

V. A. Baranov
Ústav slavistiky
Filozofické fakulty MU
Arna Nováka 1
66088 Brno

